

Кузьмина А. А. Поэтика хронотопа пути в якутском героическом эпосе (на материале олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар») / А. А. Кузьмина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 262—278. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-262-278.

Kuzmina, A. A. (2022). Poetics of Path Chronotope in Yakut Heroic Epic (S. N. Karataev “Bogatyr Tong Saar”). *Nauchnyi dialog*, 11(1): 262-278. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-262-278. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-262-278

**Поэтика хронотопа пути
в якутском героическом
эпосе
(на материале олонхо
С. Н. Каратаева
«Богатырь Тонг Саар»)**

Кузьмина Айталиа Ахметовна
orcid.org/0000-0001-7051-9009
Scopus AuthorID 57188965803
кандидат филологических наук
отдел фольклора и литературы
aitasakha@mail.ru

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Благодарности:
Автор выражает благодарность
ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН
за возможность проведения
исследований на научном оборудовании
Центра

**Poetics of Path Chronotope
in Yakut Heroic Epic
(S. N. Karataev
“Bogatyr Tong Saar”)**

Aitalina A. Kuzmina
orcid.org/0000-0001-7051-9009
Scopus AuthorID 57188965803
PhD in Philology
Department of Folklore and Literature
aitasakha@mail.ru

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies
of the North
of the Siberian branch
of the Russian
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:
Author gratitude to Shared core facilities
of the Federal Research Center
“Yakutsk Science Center SB RAS”
for the opportunity to conduct research
on the scientific equipment of the Center

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию поэтики хронотопа пути в якутском героическом эпосе. Актуальность темы обусловлена необходимостью в углубленном изучении пространственно-временной организации пути в олонkho, в частности, в виллойской эпической традиции, к которой относится олонkho С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар». Новизна статьи состоит в том, что в ней впервые поэтика хронотопа пути в якутском эпосе подвергается системному анализу, также впервые выявляются особенности хронотопа пути в виллойской эпической традиции. Автор статьи приходит к выводу, что хронотоп пути занимает важнейшее место не только в хронотопе олонkho, но и в целом в его сюжетно-композиционной организации. Определена структура пути, состоящая из трех основных частей: отправления богатыря в путь, самого процесса пути, завершения пути (возвращения богатыря на родину), в которых реализуются различные сюжетные мотивы. Особое внимание уделяется сюжетобразующей роли хронотопа пути в олонkho, его соотношению с системой персонажей, поэтико-стилевым средствам. Установлено, что ведущие звенья поэтики якутского героического эпоса имеют неразрывные взаимосвязи в решении основных идейно-эстетических задач.

Ключевые слова:

олонkho; поэтика; хронотоп пути; виллойская эпическая традиция; сюжет; поэтико-стилевые средства.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the poetics of the path chronotope in the Yakut heroic epic. The relevance of the topic is due to the need for an in-depth study of the spatio-temporal organization of the path in the olonkho, in particular in the Vilyui epic tradition, to which the olonkho S. N. Karataev "Bogatyr Tong Saar" belongs. The novelty of the article lies in the fact that for the first time the poetics of the path chronotope in the Yakut epic is subjected to systemic analysis, and for the first time the peculiarities of the path chronotope in the Vilyui epic tradition are revealed. The author of the article comes to the conclusion that the chronotope of the path occupies the most important place not only in the chronotope of the olonkho, but in general in its plot-compositional organization. The structure of the path has been determined, consisting of three main parts: the departure of the hero on the path, the process of the path itself, the completion of the path (the return of the hero to his homeland), in which various plot motives are realized. Particular attention is paid to the plot-forming role of the path chronotope in the olonkho, its relationship with the system of characters, poetical and stylistic means. It has been established that the leading links of the poetics of the Yakut heroic epic have inextricable interconnections in solving the main ideological and aesthetic problems.

Key words:

olonkho; poetics; path chronotope; Vilyui epic tradition; plot; poetical and stylistic means.

УДК 398.22(=512.157)

Поэтика хронотопа пути в якутском героическом эпосе (на материале олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар»)

© Кузьмина А. А., 2022

1. Введение = Introduction

Хронотоп — «это совокупность пространственно-временных параметров, которая определяет структурно-семантическую модель текста, прагматические особенности движения повествовательного континуума; это одно из средств сюжетного повествования; это такая характеристика текста, которая всегда позволяет отнести его к некоторому множеству текстов с общими для них пространственно-временными признаками» [Воронцова, 2003, с. 181]. Взаимосвязь пространственных и временных отношений в литературном тексте впервые стала объектом специального исследования М. М. Бахтина [Бахтин, 1975, с. 234—407]. Вслед за ним литературоведы рассматривали специфику хронотопа в зависимости от принадлежности произведения к тому или иному жанру, стилю. Особенно плодотворно в этом направлении работали сторонники семиотического метода: Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, В. В. Иванов, Е. М. Мелетинский и др. Ю. М. Лотман выделил две причины, определяющие характер хронотопической организации произведения: первая связана с картиной мира, вторая — с внутренними задачами художественного текста [Лотман, 1968, с. 5—7]. Впоследствии проблемой пространственно-временной категоризации текста стали заниматься не только литературоведы, но и лингвисты, фольклористы, культурологи, этнографы, в том числе зарубежные исследователи [Johnston, 2012; Tygstrup, 2020].

Фольклористы настаивают на принципиальном отличии способа анализа поэтики (в том числе пространственно-временной организации) фольклорного и литературного текста. Хронотоп в фольклоре имеет свои особенности по сравнению с литературным хронотопом, что обусловлено его устным характером, глубокими связями с мифопоэтическим мышлением. Пространственно-временные характеристики стали преимущественно использоваться при исследовании эпического повествования. В работах фольклористов хронотоп интерпретируется как система координат модели мира, принцип организации эпического сюжета, способ и средство выражения пространственных и временных взаимоотношений в их единстве [Воронцова, 2003; Гацак, 1989; Дарчиева, 2017; Кудияров, 2002; Лихачев,

1979; Неклюдов, 2015]. Якутские исследователи также изучают проблему хронотопа в эпосе, осмысливая ее в различных аспектах [Габышева, 2003; Избекова, 2014; Сатанар, 2020; Семенова, 2000].

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью системного исследования поэтики хронотопа пути как значимого компонента общего феномена «хронотоп» в якутском героическом эпосе, в частности в олонхо вилюйской эпической традиции. Если статические характеристики пространственно-временной организации картины мира в олонхо стали предметом изучения многих эпосоведов, то хронотоп пути, включающий в себя и динамические составляющие, играющий большую роль в сюжетосложении, недостаточно исследован. Тексты олонхо вилюйской эпической традиции имеют некоторые особенности, несмотря на то что якутский эпос как жанр в целом строго придерживается своих традиционных канонов. Считаем, что изучение поэтики олонхо в аспекте его локальности (региональности) позволит составить более полное представление о нем, установить инвариантную основу и проанализировать трансформацию эпоса.

Цель статьи — выявить особенности поэтики хронотопа пути в якутском героическом эпосе. Новизна работы заключается в исследовании хронотопа пути в олонхо с точки зрения его сюжетообразующей роли, системы персонажей и поэтико-стилевых средств. В данной статье также впервые выявляются особенности хронотопа пути в вилюйской эпической традиции.

Основным материалом исследования выступает олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар», запись которого сделана А. А. Саввиным в 1938 году во время Вилюйской экспедиции [Каратаев, 2004; РФ АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, д. 117, 186 л.]. В качестве сопоставительного и дополнительного источника использованы тексты якутского эпоса М. Т. Шарборина-Кумаарап «Куллуйа Куллустуур» и «Богатырь Дуо» [Шарборин-Кумаарап, 2020].

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

При разработке проблематики хронотопа в якутском эпосе мы исходим из положений о слиянии «пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [Бахтин, 1975, с. 234], о непротивопоставлении пространства «времени как внешней форме созерцания внутренней» [Топоров, 2010, с. 322].

Для нашего исследования особую ценность представляет подход С. Ю. Неклюдова, заключающийся в максимально широком понимании времени и пространства в фольклоре, что способствует анализу основных сторон эпического сюжета и повествования [Неклюдов, 2015].

Важной является научная работа Л. Н. Семеновой, где впервые предпринята попытка проследить процесс сюжетосложения якутского героического эпоса сквозь призму пространственной организации [Семенова, 2000]. При этом сюжет описан как парадигма эпических локусов, семантика которых разворачивается в разных сюжетных мотивах.

При описании стилистических приемов и средств создания хронотопа пути в олонхо мы применили методику А. В. Кудиярова, который считал хронотоп «особой поэтико-стилевой категорией, охватывающей способы и средства выражения пространственных и временных взаимоотношений в их единстве» [Кудияров, 2002, с. 184].

В качестве методов исследования используется системный анализ, предполагающий выявление взаимосвязей ведущих звеньев поэтики якутского героического эпоса. При этом в данной статье мы используем широкое понимание поэтики как области филологической науки, в которой изучаются структурные формы текста. Следует отметить, что многие исследования по якутскому эпосу в основном ограничены определенными частями поэтики, что, на наш взгляд, не позволяет дать более полное представление о какой-либо проблеме.

Исследование основывается на структурно-семантическом анализе текстов якутского эпоса, в особенности при определении сюжетно-композиционной структуры, мотивного состава, системы персонажей. В работе также использован сравнительно-сопоставительный метод для выявления общих и специфических характеристик хронотопа пути в разных локальных традициях олонхо, в частности в вилюйской эпической традиции.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сюжетообразующая роль хронотопа пути в олонхо

Фольклорная семантика пути (дороги) связана с представлениями о жизни и судьбе человека, пути души в загробный мир [Неклюдов, 2015, с. 157—159]. По М. М. Бахтину, «дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути» [Бахтин, 1975, с. 271]. Исследователи отмечают изначальную хронотопичность дороги, считая ее проявлением пространственно-временного континуума [Дарчиева, 2017, с. 135].

В литературоведении и фольклористике употребляют два термина: *хронотоп пути* и *хронотоп дороги*. Ю. М. Лотман разграничивал эти понятия: «“Дорога” — некоторый тип художественного пространства, “путь” — движение литературного персонажа в этом пространстве. “Путь” есть реализация (полная или неполная) или не-реализация “дороги”» [Лотман, 1968, с. 47]. По отношению к якутскому героическому эпосу уместно

было бы использовать понятие «хронотоп пути», так как дорога в прямом смысле слова практически не встречается (только на границе между мирами), герой-богатырь ездит в основном по неосвоенному пространству. В целом вход в иное пространство происходит различными способами. Так, в олонхо «Богатырь Тонг Саар» таких дорог на границе между мирами не встречается, герои не поднимаются в Верхний мир, а попадание в Нижний мир происходит незаметно.

Отечественный литературовед М. М. Бахтин отмечал сюжетообразующее значение хронотопа в художественном произведении, называя его «организационным центром основных сюжетных событий романа» [Бахтин, 1975, с. 398]. При этом хронотоп «отражает поступательное развитие сюжета, так как события, составляющие сюжетную канву, логично следуют друг за другом» [Воронцова, 2003, с. 185]. В отличие от литературного хронотопа, для фольклорного текста характерно эмпирическое время и пространство, что обуславливает фабульный хронотоп [Воронцова, 2003, с. 185]. При этом эпическое время характеризуется неоднородностью, что связано с принципом «наибольшего выделения главного героя» [Лихачев, 1979, с. 230; Избекова, 2014, с. 117].

Хронотоп пути имеет большое значение в сюжетной организации якутского героического эпоса. Маршрут и динамика пространственных перемещений героя, его взаимоотношения с другими эпическими персонажами составляют событийное развертывание сюжета олонхо. Главный герой эпического сказания якутов — богатырь из племени айыы — отправляется в богатырский поход, чтобы жениться и стать родоначальником людского племени, восстановить космическое равновесие, нарушенное противником-абаасы, «или самим героем, “взорвавшим” своей строптивостью собственный мир» [Семенова, 2000, с. 152]. Подобное наблюдается и в русских былинах: «Действие совершается по движению героя ... Путь героя как бы представляет ось повествования» [Пропп, 1998, с. 310]. Так, богатырь Тонг Саар испытывает потребность иметь жену, мериться силами с богатырями других стран и отправляется в путь [Каратаев, 2004, с. 36].

Е. Б. Артеменко на материале русских былин выделила три фазы модели дороги: I фаза — отправление былинного богатыря в путь, II фаза — пребывание героя в пути, III фаза — завершение пути или его части [Артеменко, 2000, с. 28—30]. В свою очередь Л. Н. Семенова предложила инвариантную модель сюжетов олонхо: происхождение и воспитание героя; отправление героя в путь; путь «туда»; путь «обратно»; возвращение героя на родину [Семенова, 2000, с. 19]. Таким образом, путь эпического героя подразумевает отправление богатыря в путь, сам процесс пути, заверше-

ние пути или возвращение богатыря на родину. Как видно, путь занимает довольно солидное место в сюжетно-композиционной структуре эпоса.

Олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар» состоит из двух частей, из которых первая представляет богатырскую биографию богатыря Тонг Саар, а вторая — его сына. В первой части богатырь Тонг Саар желает найти свою суженую, побороться с богатырями других миров и для этого отправляется в путь, то есть, по В. Я. Проппу, функция недостачи становится причиной завязки сюжета. Мы согласны с мнением Л. Н. Семеновой о том, что вредительство, когда богатырь из Нижнего мира похищает девушку, съедает чужой скот, является формальным основанием завязки сюжета, «истинная причина отправления богатыря в путь — необходимость добыть женщину», которая находится в ином пространстве, для чего необходимо пересекать границы эпического мира [Семенова, 2000, с. 18—19].

Пребывание героя в пути и его возвращение на родину сопряжены со многими препятствиями (встреча с соперниками, женщинами-оборотнями, вредителем — тунгусским богатырем Арджамаан-Джарджамааном). При подготовке к богатырскому походу кузнецы изготавливают снаряжение, а восемь небесных шаманок благословляют героя. Пространственное перемещение богатыря Тонг Саар происходит на коне. При этом дух-хозяйка земли, живущая в священной березе Аар Кудук Хатынг, и шаман, обитающий, по всей видимости, в пограничье между Средним и Нижним мирами, указывают ему дорогу, суженую, благословляют его, шаман также предсказывает дорогу с помощью своей колотушки. Богатырь Тонг Саар два раза едва не погибает: в первый раз ему помогает богатырь Аджына Боотур, который появляется в нужный момент, убивает всех соперников героя и придает ему силу с помощью желтой влаги, во втором случае три шаманки из Верхнего мира прилетают в облике стерхов, оживляют богатыря живой водой, благословляют его и дают ему в помощники щенка, который впоследствии превращается в серебряного богатыря. Первая часть олонхо завершается возвращением героя вместе с сыном и женой на родину.

Вторая часть начинается с пропажи старшего сына Юрюнг Кыртай, который через некоторое время возвращается уже повзрослевшим, и рождения второго сына-быка Сююлэлджин Боотур. Мотивировкой выезда богатыря Юрюнг Кыртай служит его желание увидеть «воинственную страну» (охсуһуулаах дойду) и побороться с другими богатырями, затем в пути он узнает имя своей суженой. В качестве лица, указывающего ему путь и помогающего в битве с соперниками, выступает его брат-бык. Первая битва богатыря Юрюнг Кыртай случается у огненного моря с сыном духа этого моря Итии Болгуо. Затем, проехав кровавое море, огненно-смолянистое море, богатырь доезжает до каменной горы на берегу моря Испии

иринэй и убивает сестру своего соперника — Сатыы Дуодангай, захотевшую вступить с ним в половую близость. Герой в образе парня-слуги неузнанным прибывает в другую страну Среднего мира, где живет его суженая, чтобы свататься к ней и победить своих соперников. Бык Сююлэджин Боотур помогает своему брату убить двух богатырей-абаасы. Третьего соперника Юрюнг Кыыртай побеждает сам. После свадьбы молодожены возвращаются на родину богатыря без всяких происшествий. Описание возвращения на родину не дается, так как «возвращение уже означает преодоление пространства» [Семенова, 2000, с. 64].

Итак, этот пример наглядно показывает, что «событийное развертывание сюжета строится как траектория пространственных перемещений героя» [Там же, с. 19]. Путь также выступает как связующее звено между мирами, локусами, событиями, встречами с другими персонажами. Так, после преодоления какого-либо события (благословение, указание пути, свадьба) или препятствия (нейтрализация тунгусского богатыря, победа над соперниками, богатырем-абаасы, убийство его сестры) дается полное или краткое описание пути.

Различные сюжетные мотивы способствуют раскрытию хронотопа пути. Исследователи даже специально выделяют мотив пути / передвижения [Дарчиева, 2017, с. 129]. С этим мотивом тесно соприкасаются мотив дома / родного очага как отправная точка, начало путешествия, а также мотив встречи [Там же, с. 129, 142]. В рассматриваемом олонхо представлены мотивы сватовства, боя героя с соперниками, препятствий женщины-абаасы, женщин-оборотней, вредительства тунгусского богатыря, помощи богатырского коня, брата-быка, шаманок, шамана, духа-хозяйки земли, щенка, указания пути, благословения, оживления богатыря, свадьбы и др.

Благопожелание-алгыс в сюжете олонхо сопровождает различные сюжетные ситуации, в том числе отъезд богатыря из родного дома, отправление в богатырский поход [Макаров, 2019, с. 132—133]. «Заряженный» алгысом богатырь морально готов к совершению длительного, изнурительного пути с препятствиями. В олонхо «Богатырь Тонг Саар» мотив получения героем благопожелания-алгыс встречается несколько раз.

Мотив выбора пути, часто встречающийся в фольклоре народов мира [Неклюдов, 2015, с. 160; Дарчиева, 2017, с. 124], также есть в якутском героическом эпосе. Так, в олонхо олекминского сказителя М. Т. Шараборина-Кумаарап «Куллуйа Куллустуур» герой оказывается на перепутье трех дорог и должен выбрать одну [Шараборин-Кумаарап, 2020, с. 163—165]. А в олонхо С. Н. Каратаева мотив выбора пути реализован несколько иным способом: богатырь Тонг Саар в пути встречает трех красавиц-оборотней (по сути чудовищ-абаасы, ревоплощенных в людей), каждая из которых

зовет его к себе домой, и он борется со своим соблазном, но на третий раз не может удержаться и попадает в беду.

3.2. Хронотоп пути и персонажи олонхо

Герой (богатырь или богатырка) является основной движущей силой в сюжете олонхо. Хронотоп пути представлен как пространственно-временное перемещение героя в эпическом мире. Взаимоотношения героя с другими персонажами олонхо способствуют развитию сюжета, раскрывают сюжетное функционирование и семантику образов.

Исследователи выделяют пространственно подвижных или неподвижных персонажей [Семенова, 2000, с. 138]. А. В. Кудияров также обратил внимание на «различия в умении и возможностях преодоления больших расстояний в зависимости от иерархии персонажей» [Кудияров, 2002, с. 229]. В олонхо главный герой является самым динамическим, то есть пространственно подвижным образом. Наряду с ним богатырский конь, выполняющий функцию помощника героя, активно участвует в его пространственном перемещении. При этом богатырь способен к перевоплощению: в облике сокола он может полететь в Верхний мир.

Путь представляет собой не только пространственное перемещение богатыря в эпическом мире, но и его жизненный цикл. В олонхо С. Н. Каратаева богатырь Тонг Саар в начале повествования описывается как молодой человек, а к завершению пути, после рождения первого сына, его уже называют стариком; вернувшись на родину, Тонг Саар перестает выезжать в богатырские походы, а занимается охотой недалеко от дома.

К подвижным персонажам также относятся: богатыри-соперники из трех миров; невеста героя, которую похищают или берут в жены и возвращаются с ней на коне; помощники богатыря (конь, шенок-оборотень, шаманки-айыы, брат-бык, богатырь-айыы Аджына Боотур); тунгусский богатырь Арджаман-Джарджаман — похититель жены богатыря Тонг Саар. Среди них большой интерес представляет образ богатыря из Среднего мира Тимир (Железный) Абыдал, соперника героя, который, сидя на помосте аранас (воздушный способ захоронения), приехал свататься к Айталын Куо 20 лет назад [Каратаев, 2004, с. 53]. По Л. Н. Семеновой, на помосте может сидеть богатырь-калека, способный к магическому пространственному перемещению [Семенова, 2000, с. 102]. Следует отметить, что такой способ передвижения богатыря в олонхо встречается очень редко. Обратничество также является одним из способов облегчения и ускорения передвижения: 1) серебряный богатырь из Верхнего мира, привезенный шаманками и подаренный герою, весь свой путь совершает в облике щенка, то появляясь, то исчезая внезапно; 2) три небесные шаманки при-

летают из Верхнего мира в виде стерхов. Другие помощники — брат-бык Сююлэджин Боотур, богатырь-айыы Аджына Боотур — очень быстро появляются в нужный момент без описания их пути и таким же образом уходят. Тунгусский богатырь Арджамаан-Джарджамаан обладает высокой скоростью перемещения, ездит на оленьей упряжке [Каратаев, 2004, с. 89].

Неподвижными персонажами являются дух-хозяйка земли, шаман, старуха Симэхсин, родители невесты, женщины-оборотни, кузнецы, восемь небесных шаманок, сын духа огненного моря Итии Болгуо в роли «стража порога» и его сестра Сатыы Дуодангай.

Эпические миры, топосы и локусы изначально имеют семантическую противопоставленность, и это проецируется на персонажей олонхо, которые относятся к определенному локусу или являются «репликой той или иной зоны эпического пространства» [Семенова, 2000, с. 142—143]. Неподвижные персонажи имеют четкую, определенную характеристику своего места обитания. Жители Среднего (дух-хозяйка земли, старуха Симэхсин, родители невесты) и Верхнего (небесные шаманки) миров, являющиеся соплеменниками, родственниками главного героя, действуют в его интересах, а обитатели Нижнего мира, наоборот, создают препятствия на его пути. Образы вестников, часто встречающиеся во многих якутских эпосах, в олонхо С. Н. Каратаева не обнаружены.

Можно выделить также пограничье между Средним и Нижним мирами, где живут шаман, женщины-оборотни и тунгусский богатырь. Если шаман помогает герою и, следовательно, относится больше к Среднему миру, то место жительства женщин-оборотней существенно ближе к Нижнему миру, является его репликой [Там же, с. 88]. Тунгусский богатырь встречается герою на обратном пути, и то, что конфликт между героем и тунгусским богатырем разрешается примирением сторон, означает «“иссякание” чужого пространства» [Там же, с. 109—110]. Как считает Л. Н. Семенова, движение по такому промежуточному пространству позволяет герою распознавать свое и чужое [Там же, с. 89].

В олонхо С. Н. Каратаева мотив указания пути тесно связан с предсказанием судьбы, суженой. Передача такой важной для героя информации совершается духом-хозяйкой земли, шаманом, зооморфным братом, щенком, отчасти конем. Вместо старика-советчика Сээркээн Сээна, указывающего герою путь и предназначение, часто встречающегося в других сказаниях, выступает шаман. Образ шамана характерен для вилюйской эпической традиции, тогда как в других традициях он почти не встречается. Возможно, это объясняется тем, что в Вилюйском регионе шаманизм лучше сохранился и был довольно широко распространен до 1920-х годов; кроме того, в быту люди часто пользовались услугами

шаманов, в том числе обращались к ним за предсказанием судьбы, что нашло отражение в эпосе.

3.3. Стилистические приемы и средства создания хронотопа пути в якутском героическом эпосе

М. М. Бахтин, разработавший теорию хронотопа в отечественной литературе, обратил внимание на изобразительное значение хронотопа [Бахтин, 1975, с. 398]. В исследованиях В. М. Гацака выделяются «топосы длительности» и «хроноакты» в героико-архаических и героико-исторических эпосах [Гацак, 1989, с. 9—24]. А. В. Кудияров на материале эпоса тюрко-монгольских народов Сибири выделяет хронотоп расстояния, хронотоп пути, границу и художественное пространство [Кудияров, 2002, с. 184—278]. В указателе типических мест героического эпоса народов Сибири хронотопу пути отводится отдельное место, обозначенное как «7. Богатырская езда: а) описание времени и пространства» [Кузьмина, 2005, с. 8].

Освоение нового, иного пространства характеризуется тем, что богатырь ездит по бездорожью: *Тобус арсыын туоралаах / Дорѳоон айан суола диэн / Тобулбатах дойдуну* (Стране, где нет звучащей дороги с шириной в девять аршин) (перевод наш. — А. К.) [Каратаев, 2004, с. 48]. Однако, если герой гоняется за кем-то, появляется описание дороги: *тон суол* (замерзшая дорога), *ириэнэх суол* (теплая дорога), *көмнөхтөөх аартык* (тракт со снегом, осевшим на ветвях деревьев, или с опавшим хвойным покровом), *силбэхтээх аартык* (мокрый тракт) [Там же, с. 51]. Эти эпитеты также показывают время: замерзшая дорога — тех, за кем гоняется богатырь, «след простыл»; теплая дорога — они прошли или проехали недавно; тракт со снегом или опавшей хвоей — зима или осень; мокрый тракт — весна или лето, после дождя.

Для олонхо характерно выражение хронотопа пути временным эквивалентом. Так, в преобладающем большинстве случаев пройденный путь определяется не мерой расстояния, а днями, месяцами и годами. Только изредка может использоваться точная путевая мера *көс* (7—10 км), что, по А. В. Кудиярову, является одним из «свидетельств особой линии развития якутской эпики на фоне других тюркских традиций Сибири» [Кудияров, 2002, с. 212]. В олонхо С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар» мы не обнаружили такого измерения расстояния пути. Вместо этого в данном сказании дистанция часто измеряется словами *күннүк* (расстояние, которое можно преодолеть за один день), *хонук* (сутки), *ый* (месяц), *сыл* (год).

Основным стилистическим приемом создания хронотопа пути в олонхо является гиперболизация, играющая большую роль в эпической героизации. С. Д. Львова относит к лексическим средствам гиперболизации

числительные, «с помощью которых образуются количественные гиперболы» [Львова, 2020, с. 131]. Исследователи указывают на то, что эпическое время, представленное сочетанием числительного 3 и производного от него 9, выступает знаком сакральности [Избекова, 2014, с. 125; Кудияров, 2002, с. 185]. В олонхо С. Н. Каратаева гипербололизация расстояния пути осуществляется с помощью количественных числительных 3, 7, 8, 9, 30, 60. Самым коротким расстоянием является путь в семь дней, когда состарившийся Тонг Саар ходит пешком на охоту [Каратаев, 2004, с. 126], а самым долгим — тридцать лет, когда богатырь в расцвете сил едет верхом на коне [Там же, с. 111—112].

Сказитель часто использует эпическую формулу «*Өр илии бартын билбэтэбэ, / Өтөр илии бартын билбэтэбэ*» (Не знал, долго ли он ехал, / не знал, коротко ли он ехал) [Каратаев, 2004, с. 54, 95, 111—112], с помощью которой показывается неопределенное время (обычно долгое) пути богатыря. Как отмечает С. С. Макаров, это повторяющееся сказителем выражение относится к композиционной вставке [Макаров, 2019, с. 221].

А. В. Кудияров выявил опосредованный тип хронотопа, «имея в виду особый художественный способ обозначения дальности расстояния — косвенно, иносказательно, обиняком» [Кудияров, 2002, с. 201]. Посредством смены времен года описывается длительность путешествия героя, что часто встречается в эпосе народов Сибири [Гацак, 1989, с. 9—15; Кудияров, 2002, с. 84]. В. М. Гацак высказал предположение, что эта эпическая формула является «редкостным древним заложением поэтико-стилевой традиции эпоса» [Гацак, 1989, с. 15]. В олонхо С. Н. Каратаева данная формула использована один раз: *Кыһынгытын тымныытынан билтэ, / Сайынгытын самырынан билтэ, / Күһүнүтүн көтөбөтүнэн билтэ, / Сааскытын саарымын уутунан билтэ* [Каратаев, 2004, с. 92] (Зиму узнал по холоду, / лето узнал по дождю, / осень узнал по опавшим листьям, / весну узнал по влажной ровдуге).

Другая формула: «*Этэн баран эбирийиэх, / Көрөн баран чыпчылыыях / Бэтэрээ өттүнэ*» (До того как, говоря, сделать вдох, / до того как, посмотрев, проморгнуть глазами) — показывает быстроту, высокую скорость движения того или иного персонажа [Там же, с. 102, 115]. Стремительность, интенсивность также передается с помощью образных глаголов с моментально-однократной формой: *Үрүн курупааскы курдук / Өрүкүс кынан хаалбыта* (Улетел, взвихрившись, как белая куропатка) [Там же, с. 86], *Тус арбаа диэкки / Күлүс гынан хаалла* (Исчез, внезапно сверкнув, на западном направлении) [Там же, с. 140].

Выделенная А. В. Кудияровым модель опосредованного хронотопа долгого пути — «указание на изнуренный вид путника» [Там же, с. 236] —

также встречается в олонхо «Богатырь Тонг Саар» при описании того, как у богатыря испортились доха из волчьей шкуры и рысья шапка, уменьшилась способность долго мыслить, а конь настолько исхудал, что у него исчез жировой слой [Там же, с. 92—93].

Как противоположность пути выступают потеря ориентации в пространстве и остановка движения, передаваемые с помощью формулы типа «*Туманга муннум, / Буруоҕа чачайдым*» (Заблудился в тумане, / поперхнулся дымом) [Шараборин-Кумаарап, 2020, с. 621], однако в рассматриваемом олонхо С. Н. Каратаева мы не обнаружили такого выражения.

В якутском героическом эпосе широко используется стилистический прием ритмико-синтаксического параллелизма, который затрагивает фонетический, морфологический, синтаксический уровни грамматики языка олонхо [Роббек, 2009, с. 5]. Основным ядром структуры параллелизма являются повторы. При этом следует отметить, что аллитерационно-ассонансная звуковая гармония основана на законе сингармонизма [Там же, с. 5—7].

При описании пути героя сказители часто используют ритмико-синтаксический параллелизм, подбирая варианты слов, соответствующих друг другу в смысловом и фонетическом плане. Так, в приведенном далее примере богатырской езды из 17 строк [Каратаев, 2004, с. 54] можно выявить 5 блоков ритмико-синтаксических параллелизмов: 1-й блок — *Си-эллэрэн дьигиһиттэ, / Хаамтаран халыһытта, / Айаннатан айматта, / Тэһииннээн дьигиһиттэ, / Кымньыылаан чыскыйда* (Поехал рысью, сотрясаясь, / погнал своего коня, / поехал шумно, / управляя поводьями, сотрясаясь, / бил кнутом со свистом); 2-й блок — *Саа чөркөөкү саҕа бэйэтэ / Саар булгуннаах саҕа сарайа үлүннэ, / Орулуос кус саҕа бэйэтэ / Ороһу булгуннаах саҕа буолла*» (Он размером как обливший чирок, / раздулся как большой курган, / он размером как гоголь, / стал как поздний курган); 3-й блок — *Улаханнык дохсурбаата, / Дьиктитик кизбирдэ, / Си-эллэрэн дьигиһитэ турда* (Повел себя очень грубо, / необычно повел себя высокомерно, / поехал рысью, сотрясаясь); 4-й блок — *Өр илии бартын билбэтэ, / Өтөр илии бартын билбэтэ* (Не знал, долго ли он ехал, / не знал, коротко ли он ехал); 5-й блок — *Сыа сыһы сыта биллибитэ, / Хорһольдун хонуу холонсото биллибитэ, / Алтан алаас аҕа биллибитэ* (Почувствовал запах жирной равнины, / почувствовал запах пота оловяного поля, / почувствовал запах медной поляны).

Следует отметить, что в якутском эпосе подробно описывается первая поездка богатыря, остальные фрагменты могут ограничиться простым высказыванием *айанны турбута* (поехал) [Каратаев, 2004, с. 112], а возвращение героя характеризуется формулой *эргийэн-туонуйан кэлбитэ* (вернулся-возвратился) [Там же, с. 196].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, хронотоп пути занимает важнейшее место не только в хронотопе олонхо, но и во всей его сюжетно-композиционной структуре в целом. Системный анализ хронотопа пути свидетельствует о взаимосвязи ведущих звеньев поэтики якутского героического эпоса в решении основных идейно-эстетических задач.

В процессе исследования мы определили, что путь играет большую роль в сюжетном построении олонхо. Структура пути состоит из трех основных частей: отправление богатыря в путь, сам путь, завершение пути (возвращение богатыря на родину), в которых реализуются различные сюжетные мотивы. Путь также является связующим звеном между частями эпического пространства, событиями, встречами с другими персонажами. Пространственно-временная организация пути помогает раскрытию характера героя, его взаимоотношений с другими персонажами. В олонхо «Богатырь Тонг Саар» С. Н. Каратаева представлены различные сюжетные мотивы при описании хронотопа пути, среди которых значимыми являются мотивы благопожелания перед отправлением в богатырский поход, выбора пути, встречи с различными персонажами и т. д.

Мы выявили, что событийное развертывание сюжета состоит из пространственных перемещений героя, его взаимоотношений с другими персонажами. Персонажей подразделили на пространственно подвижных (богатыри-соперники, невеста героя, помощники богатыря, тунгусский богатырь Арджамаан-Джарджамаан) и неподвижных (дух-хозяйка земли, шаман, старуха Симэхсин, родители невесты, женщины-оборотни, кузнецы, восемь небесных шаманок, сын духа огненного моря Итии Болгуо в роли «стража порога» и его сестра Сатыы Дуодангай). Главный герой отличается большой подвижностью в системе персонажей, тем самым являясь движущей силой в сюжете олонхо.

Использование традиционных эпических формул, стилистических приемов гиперболлизации, ритмико-синтаксического параллелизма подчинено воплощению героической доминанты. В олонхо имеются различные способы выражения хронотопа пути: применение временного показателя, смена времен года, изнуренный вид путника, неопределенность времени и др.

В сказании С. Н. Каратаева «Богатырь Тонг Саар», являющемся одним из образцовых текстов виллойской эпической традиции, хронотоп пути основывается на общежанровых канонах поэтики олонхо. Тем не менее имеются некоторые отличия в системе персонажей: функцию старика Сээркээн Сэсэна выполняет шаман; отсутствуют образы вестников; помощник появляется в облике щенка, зооморфного брата-быка Сююлэлджин Боотур.

В дальнейшем изучении других видов хронотопа олонхо с привлечением более широкого материала видится перспектива данного исследования.

Источники и принятые сокращения

1. *Каратаев С. Н.* Тонг Саар бухатыыр : Олонхо [Богатырь Тонг Саар : Олонхо] / С. Н. Каратаев ; на якут. яз. — Якутск : Бичик, 2004. — 237 с.
2. РФ АЯНЦ СО РАН — *Рукописный фонд* Архива Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 8. Оп. 7. Д. 117. Каратаев С. Н. Тонг Саар бухатыыр / Записано А. А. Саввиным в 1938 г.
3. *Шараборин-Кумааран М. Т.* Куллуйа Куллустуур ; Турбутунан төрөөбүт Дуо бухатыыр : олонхолор [Куллуйа Куллустуур ; Рожденный стоя богатырь Дуо : олонхо] / М. Т. Шараборин-Кумааран ; на якут. яз. — Якутск : Алаас, 2020. — 720 с.

Литература

1. *Артеменко Е. Б.* Путь былинного богатыря / Е. Б. Артеменко // Живая старина. — 2000. — № 2. — С. 28—30.
2. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234—407.
3. *Воронцова Т. И.* Пространственно-временная категоризация текста баллады (на материале английских фольклорных баллад) / Т. И. Воронцова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2003. — № 5. — Т. 3. — С. 181—189.
4. *Гыбышева Л. Л.* Слово в контексте мифопоэтической картины мира / Л. Л. Гыбышева. — Москва : РГГУ, 2003. — 188 с. — ISBN 5-7281-0585-8.
5. *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция во времени : исторические исследования поэтики / В. М. Гацак. — Москва : Наука, 1989. — 256 с. — ISBN 5-02-011379-4.
6. *Дарчиева М. В.* Мифопоэтический хронотоп в осетинских эпических текстах : Монография / М. В. Дарчиева. — Владикавказ : СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. — 349 с. — ISBN 978-5-91480-281-0.
7. *Избекова Е. И.* Числительные в олонхо : структура и семантика : монография / Е. И. Избекова. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. — 152 с. — ISBN 978-5-7513-2018-8.
8. *Кудияров А. В.* Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири / А. В. Кудияров. — Москва : ИМЛИ РАН, 2002. — 329 с. — ISBN 5-9208-0104-2.
9. *Кузьмина Е. Н.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов) / Е. Н. Кузьмина. — Новосибирск : Издательство СО РАН, 2005. — 1383 с. — ISBN 5-7692-0794-9.
10. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — Москва : Наука, 1979. — 359 с.
11. *Лотман Ю. М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. — 1968. — Выпуск 209. Труды по русской и славянской филологии ; Т. 11 : Литературоведение. — С. 5—50.
12. *Львова С. Д.* Гиперболизация в якутском эпосе (на материале текстов олонхо «Могучий Эр Соготох» и «Кыыс Дэбилыйэ») / С. Д. Львова // Вестник Северо-Вос-

точного федерального университета им. М. К. Аммосова : Серия «Эпосоведение». — 2020. — № 4 (20). — С. 127—136. — DOI: 10.25587/o8374-9878-7032-k.

13. *Макаров С. С.* Поэтика якутских олонхо : единицы и уровни лексической стереотипии : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.09 / С. С. Макаров. — Москва, 2019. — 363 с.

14. *Неклюдов С. Ю.* Поэтика эпического повествования : пространство и время / С. Ю. Неклюдов. — Москва : Форум, 2015. — 216 с. — ISBN 978-5-00091-192-1.

15. *Пропп В. Я.* Поэтика фольклора : Собрание трудов / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 1998. — 352 с. — ISBN 5-87604-065-7.

16. *Роббек Л. В.* Функционально-семантические особенности языка олонхо (лексикографический аспект) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / Л. В. Роббек. — Москва, 2009. — 24 с.

17. *Саганар М. Т.* Экспликация некоторых кодов мифологической системы якутского эпоса олонхо (к постановке вопроса о фольклорном времени и пространстве) / М. Т. Саганар // Научный диалог. — 2020. — № 6. — С. 302—319. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-302-319.

18. *Семенова Л. Н.* Семантика эпического пространства и ее роль в сюжетобразовании (на материале якутского эпоса олонхо) : диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01, 10.01.08 / Л. Н. Семенова. — Москва, 2000. — 160 с.

19. *Топоров В. Н.* Мировое дерево : Универсальные знаковые комплексы / В. Н. Топоров. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. — Т. 1. — 448 с. — ISBN 978-5-9551-0405-8.

20. *Johnston I.* The Chronotope of the Threshold in Contemporary Canadian Literature for Young Adults / I. Johnston // *Jeunesse : Young People, Texts, Cultures*. — 2012. — Vol. 4. — Issue 2. — Pp. 139—149. — DOI: 10.1353/jeu.2012.0021.

21. *Tygstrup F.* The Debt Chronotope / F. Tygstrup // *Differences*. — 2020. — Vol. 31. — Issue 3. — Pp. 29—47. — DOI: 10.1215/10407391-8744469.

Material resources

Archive of ANTS WITH ran-Manuscript holdings of the Archive of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences. F. 8. Op. 7. D. 117. Karataev, S. N. Togolok Moldo / Recorded by A. A. Savin in 1938. (In Yakut.).

Karataev, S. N. (2004). *Tong SAR bogatyr: Olonkho [Bogatyr Tong SAR: Olonkho]*. Yakutsk: Istanbul. 237 p. (In Yakut.).

Sharaborin-Kumara, M. T. (2020). *Sharaborin-Kumara; born God: Olonkho [Kulli Cellucor; born God: Olonkho]*. Yakutsk: ALNAS. 720 p. (In Yakut.).

References

Artemenko, E. B. (2000). The path of the epic hero. *Living antiquity*, 2: 28—30. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel. In: *Essays on historical poetics. Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Fiction. 234—407. (In Russ.).

Darchieva, M. V. (2017). *Mythopoetic chronotope in Ossetian epic texts: Monograph*. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAS. 349 p. ISBN 978-5-91480-281-0. (In Russ.).

Gabysheva, L. L. (2003). *The word in the context of the mythopoetic picture of the world*. Moscow: RSUH. 188 p. ISBN 5-7281-0585-8. (In Russ.).

- Gatsak, V. M. (1989). *Oral epic tradition in time: Historical studies of poetics*. Moscow: Nauka. 256 p. ISBN 5-02-011379-4. (In Russ.).
- Johnston, I. (2012). The Chronotope of the Threshold in Contemporary Canadian Literature for Young Adults. *Jeunesse: Young People, Texts, Cultures*, 4 (2): 139—149. DOI: 10.1353/jeu.2012.0021.
- Izbekova, E. I. (2014). *Numerals in olonkho: structure and semantics: monograph*. Yakutsk: NEFU Publishing House. 152 p. ISBN 978-5-7513-2018-8. (In Russ.).
- Kudiyarov, A. V. (2002). *Artistic and stylistic traditions of the epic of the Mongolian-speaking and Turkic-speaking peoples of Siberia*. Moscow: IMLI RAS. 329 p. ISBN 5-9208-0104-2. (In Russ.).
- Kuzmina, E. N. (2005). *Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvinians, Khakass, Shortsev, Yakuts)*. Novosibirsk: Publishing House SB RAS. 1383 p. ISBN 5-7692-0794-9. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1979). *Poetics of Ancient Russian literature*. Moscow: Nauka. 359 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1968). The problem of artistic space in Gogol's prose. *Scientific notes of the Tartu State University, 209: Works on Russian and Slavic Philology, 11: Literary Studies*: 5—50. (In Russ.).
- Lvova, S. D. (2020). Hyperbolization in the Yakut epic (based on the texts of olonkho “Mighty Er Sogotokh” and “Kyys Debiliye”). *Bulletin of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov: Series “Epic Studies”*, 4 (20): 127—136. DOI: 10.25587/o8374-9878-7032- k. (In Russ.).
- Makarov, S. S. (2019). *Poetics of Yakut olonkhos: units and levels of lexical stereotypy*. PhD Diss. Moscow. 363 p. (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. (2015). *Poetics of epic narrative: space and time*. Moscow: Forum. 216 p. ISBN 978-5-00091-192-1. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1998). *Poetics of folklore: the collected works*. Moscow: Labirint. 352 p. ISBN 5-87604-065-7. (In Russ.).
- Robben, L. V. (2009). *Functional-semantic features of language Olonkho (lexicographic aspect)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).
- Satanar, M. T. (2020). Explication of Some Codes of the Yakut Epos Olonkho Mythological System (Folklore Time and Space). *Nauchnyi dialog*, 6: 302—319. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-302-319. (In Russ.).
- Semenova, L. N. (2000). *Semantics of epic space and its role in plot formation (based on the Yakut epic olonkho)*. PhD Diss. Moscow. 160 p. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (2010). *World tree: Universal sign complexes, 1*. Moscow: Handwritten monuments of Ancient Russia. 448 p. ISBN 978-5-9551-0405-8. (In Russ.).
- Tygstrup, F. (2020). The Debt Chronotope. *Differences*, 31 (3): 29—47. DOI: 10.1215/10407391-8744469.
- Vorontsova, T. I. (2003). Spatial-temporal categorization of the ballad text (based on the material of English folklore ballads). *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 5 (3): 181—189. (In Russ.).